

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Тело с историей

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Тело с историей
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69387766

Тело с историей: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-189025-4

Аннотация

Недалеко от своего коттеджа найден мертвым известный панк-музыкант и худрук театра Михаил Ситдинов по прозвищу Сид. Смерть выглядит насильственной – покойный, несмотря на мороз, раздет, на теле имеются множественные ушибы и порезы. В самом коттедже полковник МВД Гуров находит следы бурного застолья. Не исключено, что причиной трагедии стал алкоголь или наркотики... Сыщик пытается выяснить, с кем провел свои последние часы погибший. Однако, подробный допрос свидетелей еще больше запутывает следствие. И вдруг на глаза Гурову попадает неожиданная подсказка...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	52
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Николай Леонов, Алексей Макеев Тело с историей

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Зима в этом году удавалась на глазах: морозы ударили в середине ноября, снег улегся надолго, и преглубокий. Уже в четыре часа дня опускались на землю ранние сумерки, плотные, как ватное одеяло. Падали неторопливо белые хлопья.

Все, что было грязного, угловатого, некрасивого, все снег укрывал, сглаживал, скрадывал снегопад. Уютно, как в детской цигейковой шубе. В такую погоду так и тянет благоденствовать, особенно если ты не на машине и спешить никуда не надо. Ощущаешь спокойствие перед лицом чего-то огромного, важного, неминуемого, того, что выше мелочных обид, ссор и суеты. На человека с чистой совестью снисходит умиротворение, на человека с отягченной – тоже снисходит, пусть и иное: спокойствие отчаяния и осознание, что назад пути нет, ничего исправить нельзя. Что тоже в каком-то смысле умиротворяет.

В подобном расположении духа легче легкого совершить невозможное. Например, набрать номер и попросить прощения – да хотя бы и у заклятого врага. И подавно – у того, с кем много лет жили душа в душу, вместе проходили путь от стихоплетства банального и трех аккордов до стадионов, фестивалей, полных сборов, а потом просто расплевались на старости лет – глупо, погано, по сути – не из-за чего.

Набрать номер, терпеливо выслушать гудки, дожждаться ответа:

– Да.

– Я рядом. Заскочу?

– Конечно.

И вот завершен знакомый путь, знакомые ворота по-знакомому скрипят. А вот и сам он – знакомый-презнакомый, как всегда – душа нараспашку, куртка на голое тело, потому что такой он человек, всегда ему жарко, рвется огонь изнутри. Вот и сейчас: глазища горят, шальные и веселые, улыбка от уха до уха. Падают снежинки, умащиваясь, как в гнезде, в жестких волосах, уже с сильной проседью. И морщины появились.

– Вот и ты, – басит он, по-медвежьи обнимая, – рад тебя видеть.

– Поговорить...

– Обязательно, давно пора. Сперва чайку, а потом уж, отогревшись, отдышавшись... идем, идем, нечего вола пинать. Скоро понаедут.

И, как на грех, в этот момент начинает пиликать в кармане чертов телефон.

Выругавшись, он перехватывает за черенок лопату, которой только что чистил дорожку, и, крикнув, запускает под небеса наработанным жестом, точно битую в городках.

С треском сыплются на снег проволочки, радиостуковины, спланировав привидением, ткнулась в сугроб антенна.

– Вот теперь будет тихо и никто не помешает. Пошли.

Глава 1

– Господин полковник! Вы меня слышите?

– Что? – хмуро бросил Гуров.

– Вы не могли бы скрежетать протезами потише? И без вас неважно слышно.

– Ну извини.

Зол был полковник Гуров, зол и разобижен, но все-таки не удержался, хмыкнул горько. Никак не привыкнуть к тому, что это для всех прочих он – человек-загадка, сплошная терра инкогнита, а для любимой супруги – книга, распахнутая настезь, аж страницы шуршат. Сто раз перечитанная и наизусть заученная.

Мария удовлетворенно кивнула – мол, то-то же, – вернулась к телефону и попыткам уразуметь, куда все-таки повернуть.

Гуров же упрямо продолжил следовать по маршруту, проложенному навигатором. Доверие к гаджету было подорвано, но другие варианты пока отсутствовали. Не останавливаться же прямо тут, на дороге в полторы полосы. Да и не развернешься.

«Врет ведь, как Троцкий, – недовольно думал он, глядя, как адское устройство, то и дело залипая, радикально меняет пути к цели, – ну вот куда тут? Заборы-то, заборы! На Рублевке таких нет. И хоть бы указатель какой повесили, люби-

тели бродилок по закоулкам».

Вполне оправданное сетование. От шоссе всего-то ничего, но, покинув его, извольте петлять по узким полуубитым проулкам, к тому же подзаваленным снегом. И не развернуться: с одной стороны – дощатые заборы до вершин елок, со второй – что-то глубокое. Трудно в темноте понять – что. Чрезвычайно смахивает на овраг, а то и ущелье.

«Про снегоуборочную технику в этой элитной глуши явно не слышали, и давно. Местным гражданам куда как проще прикупить по джипу, нежели раз в месяц скинуться на трактор. Это не дорога, а сплошной вызов, на лысой резине тут делать нечего. Зато какие заборы у всех красивые, свежие и высокие. Интересно, что там охранять-то до такой степени?»

Раздражение раздражением, но Лев Иванович в сотый раз порадовался, что сумел настоять на своем... ну почти. Процентом на сорок. На личном участии в творческом саммите – на уровне лишь «посидеть, подождать в машине». Нечего порядочной красивой женщине петлять по этому гетто для толстосумчиков, к тому же в сумерках.

– Тут направо, – скомандовала Мария.

– Как же, прямо, – попытался поспорить Гуров, но лишь для порядка. И повернул.

– Теперь снова направо... теперь прямо, еще порядка пятисот метров...

«Никто не скажет, что я, полковник Гуров, муж негодный и самодур, но уже немного слишком, – снова безропотно по-

коряясь, роптал он про себя, – и как это все понимать? Едем невесть куда битый час, ни дороги, ни указателей, ни людей – ни нормальных, никаких, да и откуда им тут взяться? У него же, как у черта, все шиворот-навыворот...»

Все началось с того, что Мария вдруг поведала: «Буду петь Гертруду».

Гуров сразу не понял, по каким причинам его ставят в известность относительно творческих планов. Не такой человек Мария, чтобы каждый чих согласовывать с супругом и повелителем. Крыш над собой эта птица не терпела.

А тут вдруг уведомила.

Лев Иванович корпел как раз над судебно-бухгалтерской «экспертизой», подsunутой коллегой, капитаном из экономического, – так, для полноты картины, хитренько заявил он, сверкая золотыми очками, чтобы глубокоуважаемый «важняк» понимал, о чем речь. Ну в общих чертах, хотя бы в целом.

«В целом», осилив лишь пяток страниц из более чем двух сотен, глубокоуважаемый Гуров понимал, что он дерево – сухое, кряхтящее и местами уже полое.

Причем спец, изваявший это заключение, наверняка был отличным судебно-бухгалтерским экспертом, но не страдал внятностью. Что это: подлость или предательство?! Или недостаток собственных знаний, который маскируется научно выглядящими словами?

Невозможно нормальному человеку все это осознать.

Поэтому Лев Иванович, стремясь изо всех сил понять, что означает: «... по итогам выявления признаков несформированного источника по налогу на добавленную стоимость в цепочке контрагентов общества и неурегулирования обществом вопроса по налоговому разрыву, свиноводческий комплекс добровольно отказался от применения вычета по НДС...», бездумно спросил:

– Кто такая Гертруда?

Мария, почему-то раскладывая пасьянс (весьма странное, нетипичное занятие), фыркнула:

– Да пять веков как одна и та же. Королева Гертруда, она же – мать Гамлета.

– Вот это-то я понял, то есть теперь понял. Почему петь?

Супруга, продолжая раскладывать карты, объяснила.

Правда, легче от этого не стало: оказалось, что она всюю ведет переговоры об участии...

– В чем?! – Гуров моментально проснулся, отложил бумаги.

– В панк-опере «Гамлет», – изысканно и отчетливо артикулируя, повторила Мария, не отрываясь от стола. – Что-то недоступно?

И как ни в чем не бывало продолжила и раскладывать, и шокировать.

Будет она исполнять партию королевы Гертруды в панк-постановке в панк же театре «Тень». Причем Клавдием и по совместительству режиссером этого адского действия выступ-

пает...

– Кто?! – проскрежетал Лев Иванович, ощущая, что вот сейчас точно – ни в какие рамки.

– Сид, – с возмутительным спокойствием повторила Мария, – и завтра в районе десяти я с ним встречаюсь. Прочитать либретто, обсудить условия, подписать бумаги.

И тут полковник не выдержал. Аккуратно сложив «экспертизку» и подбив ее по краям, он произнес, спокойно модулируя голосом:

– Только через мой труп.

Изящные ноздри дрогнули, в глубинах безмятежных, прохладных глаз зажглись опасные огоньки. С нежной улыбкой, не предвещающей ничего доброго, изогнув боевым луком безукоризненную бровь, Мария хладнокровно промурлыкала:

– Что ты, милый мой, это лишнее. Трупы, маньяки, душегубы – это давно уже пройденный его этап.

Тут требуются пояснения.

Сид этот, в миру Михаил Ситдилов, – легенда неформальной сцены и солист панк-группы «Боль да смех». Человек известный, этого не отнять. Уж на что полковник Гуров далек от всех сортов квазикультур, но и ему за последние двадцать пять лет намозолило глаза это культовое явление. Не сказать, что оно лезло в эти самые органы зрения, – просто он был такой... заметный. Отличающийся. Пожалуй, кто угодно мог бы узнать его без проверки документов. Хотя если умоется

и причешется, то не факт, может и остаться неузнанным.

Вот как выглядел наш ответ покойному Сиду Вишесу: тощий, сутулый, расхристанный. Длинный, с длинными же руками и ногами, выдающимся носом. Вечно размалеванный в черное, белое, местами – красное, перманентно ощеренный в дебильной ухмылке и с огромными, вытарашенными, безумными глазами. На голове, в зависимости от периода творчества, произрастали либо патлы, торчащие на манер чертовых рогов или морской мины, а то и ничего, кроме сияющей выбритой лысины, на которой маркером выводилось культовое же слово из трех букв.

Произведения все под стать – упыри, хитники с вилами, лесники-людоеды и аналогичная русская народная жуть да бытовуха. Не Стивен Кинг, не Лавкрафт, не граф Толстой и племянники, скорее художественное изложение сводки преступлений в сельской местности. На сцене он вел себя так, точно сквозь него пропускали не менее полутора тысяч вольт.

В общем, страшновато.

Впрочем, голос имел сильный и красивый. В дальнейшем, бросив пить и приодевшись, Сид еще и вставил зубы – тогда-то выяснилось, что и тексты, положенные на музыку, не столь уж плохи, особенно по сравнению с аналогичной продукцией.

Имелся еще один неприятный момент. Как ни старался Гуров – а он старался, подбирая цензурные тезисы в обосно-

вание своего вето, – но так и не припомнил ни одного скандала, связанного с именем Ситдикова. На что и Мария не преминула указать:

– Не понимаю, чего ты дергаешься, как холодец. За двадцать пять лет активного прыганья по неформальным сценам – ни одного протокола. По-моему, результат отменный.

Однако муж уступать не собирался:

– Тем более. Значит, он двусмысленный, на сцене – один, в жизни – другой, это готовый маньяк. Или просто никогда не попадался.

Мария продолжала работать адвокатом дьявола, по-прежнему спокойно, с осознанием собственной правоты:

– Не важно, что тебе кажется. Перед законом он чист, как новорожденный белек.

Пришлось перегруппироваться и зайти с другого фланга:

– Хорошо, пусть так. Однако стоит ли так ронять планку? Тебе, с твоими званиями, реноме, преданной публикой, именем, наработанным годами... помилуй! Заигрывание с неформалами – удел престарелых примадонн.

Так, жена взяла пилочку, начала ею орудовать.

Лед тронулся, проняло.

– Сид на сцене дольше меня, – чуть напряженно заметила она.

– Ты играешь. Он же орет да козлом скачет.

– Никем он не скачет. И он поет.

– Этот вой у нас песней зовется? – съехидничал он, по-

нимая, что конструктивные доводы иссякли и диспут грозит перейти в фазы «надуться и замолчать» (с его стороны) и «усмехнувшись, пожать плечами» (со стороны Марии).

Однако жена была настроена серьезно. Подняла ладошку, вежливо призывая заткнуться, некоторое время помолчала (наверняка считая до десяти), потом завела снова, по-доброму:

– Лева, ты, мой супруг и опытный людоед, никак не можешь понять моих мотивов. И чем объяснить эту дичь – никак не соображу.

– Ну так поясни и не выпендривайся.

О, крутанулась в тонких пальцах острая пилочка, но бытового смертоубийства не случилось. Все-таки терпение у жены ангельское, а упрямство – дьявольское.

Мария по-другому ужалила:

– А ведь ты к пенсии становишься невыносим.

– Благодарю.

– ...И я не молодею, – мрачновато констатировала она, – не за горами время, когда уже не выедешь на высокой груди и стройных ногах.

– До этого еще ой как далеко, уж поверь мне.

– Врешь ведь.

– Когда возможность имеется, я всегда говорю правду.

– Заткнись. Ты, конечно, полная тундра...

Приподнявшись, Гуров поклонился:

– И снова благодарствуйте, барыня.

– ...А теперь уже ты не выпендривайся, а просто припомни и назови хорошие, по-настоящему сочные роли в пьесах, которые могла бы играть тетенька, а не соплюха двадцати трех лет с ногами от ушей. Соображаешь?

«Она что, ждет ответа?» – подумал он и промолчал.

– Иное дело в опере – там хорошо. Утверждай себе, что ты Иоланта и тебе восемнадцать. Даже если ты весишь под тонну и до пенсии пара часов – публика примет на ура. А почему?

– Сдаюсь.

– Да потому, что петь, если мало-мальский голос есть, можно хоть до смерти. В мюзиклах не так важен голос, куда важнее вовремя войти в струю, найти свою нишу, стиль. Коли имеются и артистические данные – тем лучше! Посмотри на Сиду...

– Слуга покорный, уволь, на ночь глядя.

– А вот зря, – кротко заметила Мария, – ибо предубеждение и гордыня, особенно для сыщика, – это третья группа инвалидности.

– Тем более, пощади инвалида, – фыркнул муж.

Она вздохнула, глянула с любовью и сожалением, уселась, положив одну прекрасную ногу на другую такую же, и терпеливо начала в который раз:

– Пытаюсь я, Лев Иваныч, донести до вас очень простую мысль. Сид, после стольких лет работы в конкретном стиле, не побоялся измениться – и выиграл.

– Что и понятно, – подхватил муж, – ибо до гроба по сцене скакать нехорошо.

– Иные и скачут, да еще и по всему миру. И собирают на старых дрожжах и ностальгии полные залы инфантилов. Суть-то не в этом. Попробую тезисно, максимально понятно. Считаю, что он очень грамотно поступил. Вижу в сотрудничестве со здравомыслящим профессионалом очень хороший шанс для себя.

И твердо завершила:

– А также – и большую честь.

– Да в своем ли ты уме? – возмутился он. – Какую честь?! С кем ты собираешься сотрудничать, преподаватель, без трех минут народная артистка, лауреат и все такое...

Мария многозначительно посулила, что про «все такое» поговорит с ним особо.

– Теперь то, что звезда первой величины из совершенно другой галактики...

– Черной дыры, – бросил он.

Она возвела глаза к потолку, взывая о даровании терпения:

– Зачем я только обещалась его любить – и в болезни, и в деменции.

Гуров наступал:

– И потом, что ты, в Питер уедешь? Не пущу.

Наконец-то Мария возмутилась по-настоящему. Как же, посягательство на свободу передвижения:

– Он в Москве работает, и давно уже, темнота ты непроглядная! Но даже если бы и в Питер – что такого?

– Бросаешь мужа, – горько констатировал он.

– Да отделаешься от тебя, как же. Гуров, приди в себя!

Сид – умница, талантище и звезда, это объективная реальность, отрицать которую есть абсурд и шизофрения. И то, что он вышел именно на меня, – колоссальная удача. Это показывает, что я – абсолютная ценность. Независимо от галактики. Вопросы?

Лев Иванович открыл рот. И закрыл. И наконец, смог ответить лишь:

– Оп-па...

И признался сам себе по большому секрету, что Мария его переключала играючи, как ребенка.

Убедившись в своей победе, жена деловито закрепила успех:

– Итак, завтра к десяти вечера подскочу обсудить условия сотрудничества и детали.

– Почему так поздно? – прицепился он.

– Потому что до того будут разговоры с остальными.

– Кто такие?

– Ну кто-кто, я не спрашивала. Директор привезет бумаги, еще кто-то подъедет из творческих... Откуда мне-то знать?

– А если у них будут пьянки и мордобой?

– Не пьет он, – утомленно отозвалась она, – а съезжаются они потому, что любое сценическое произведение всегда со-

ставное и договариваться надо со всеми особо. Если поймут друг друга сразу, то и подпишут контракт. Потом и я подтянусь, к кульминации. Сейчас как раз окно, предложений по кино пока нет, ну а с Шиллером все гладко. Так что завтра еду.

– Конечно, едем, – поправил Гуров не менее деловито.

– Почему «едем»?

– Потому. Я тебя одну не отпущу.

– Ой! – Она подперла щеку рукой, нарочито по-бабьи, пропела издевательски: – Кумоньки! Полковник-то мой ревну-у-у-ует!

Гуров невозмутимо поправил:

– Полковник твой повезет свою жену-красавицу к человеку, лично ему незнакомому. Да еще предположительно там будет ряд субъектов вообще непонятно каких. В качестве компромисса соглашусь подождать в машине, не заходя в святилище искусства. – И твердо завершил мысль: – Это, как ты верно отметила, не обсуждается. Либо так, либо никак.

На этот раз прозвучало в Левином голосе такое, что Мария сочла за меньшее зло согласиться с ультиматумом. Хотя плечами, усмехнувшись, все-таки пожалала.

Глава 2

И вот теперь, двадцать первого ноября, без пяти десять, они крадутся по заулкам, или даже задам, элитного – годов с тридцатых прошлого века – поселка. Настолько элитного, что чужие здесь не бывают, на что указывают неубранная дорога, одна-единственная колея и полное отсутствие табличек на домах.

Нелюбовь автомобилистов к этому пути объяснима: ландшафтик ничего себе, подъемы-перевороты не хуже горных. И сотовый сигнал то и дело схлопывается неведь куда.

– Все, приехали. – Мария опустила телефон.

– В смысле приехали? Что-то непохоже.

– Я имею в виду, у сидовского директора то ли телефон сел, то ли сигнал пропал.

– А, так это ты не с ним щебетала?

– Я не щебетала, как вы выразились, а пыталась понять, куда ехать. Овражная, дом семь, но в навигаторе задать дом десять, и рядом будет семь.

– На одной стороне? – уточнил супруг.

– На одной.

– Семь и десять?

– Тут нет домов с другой стороны. Не видишь, что ли? – нетерпеливо пояснила она. – Вот ведь, уже пять минут одиннадцатого. Терпеть не могу опаздывать. Что на навигаторе?

– Ничего. Связь-то аховая.

– Ох. Останови.

Гуров повиновался, Мария, не дожидаясь, пока ей откроют дверь, вышла из машины и огляделась. Вид у нее при этом был презабавный, хозяйский, как будто все кругом ей принадлежит и она высокомерно недоумевает, кто посмел выключить свет и запустить снег.

Наконец жена шлепнула перчаткой по капоту:

– Да вот же дом семь, Лева! Нельзя же быть таким слепым.

Гуров удивился, поставил автомобиль на ручник и вышел сам:

– Где?

Мария махнула рукой на престарелый забор:

– Вот же!

Ну вот как она разглядела цифру семь, наведенную краской в прошлом веке? Тайна великая.

Однако, отойдя на расстояние и прищурившись наподобие ценителя живописи, и Гуров сумел узреть на облезших досках искомый номер дома. Написанный, что характерно, очень крупно. Ничего не оставалось, как признать благодушно:

– Да, вот так, приглядываясь к мелочам, иной раз главного не видишь.

– Во-во, – подхватила язвительная жена, – потому-то оставь в покое ирокезы, прыжки и узри главное: я буду играть на одной сцене с легендой русского рока!

– Все, все, убедила. Где вход в замок легенды?

Пошарив ладонями по доскам, он обнаружил-таки и ворота – никаких сопливых механизмов и дистанционных управлений, лишь суровые кованые петли да монструозные скрепы. А то и навесной замок изнутри.

– Ну а телефон легенды есть у тебя? – спросил Гуров, с сомнением глядя на найденную калитку, тоже бескомпромиссно деревянную, с щелью для писем и газет. И без тени звонка, не говоря о видеофоне.

Мария призналась:

– Нет у меня его телефона. Так заболтались, что забыла спросить. А то и вообще нет у него сотового. Старая школа, совершенно не признает благ цивилизации.

– Вот это как раз очевидно. И похвально. Только как бы нам внутрь попасть? Давай, что ли, хотя бы машину подгоню. На худой конец, посигналим.

Он вернулся к авто, убедился, что развернуться по-прежнему негде, плюнув, с буксами сдавал назад до самых ворот. Очень неудобный заезд, как он справляется сам-то?

Причалив, обнаружил, что Мария уже проникла во двор.

– Ну что за невыносимая женщина! – Лев Иванович поспешил за ней.

С внутренней стороны забора было так же, как и снаружи: сплошной снег и елки.

И удивительная нелюбовь к технике, то есть ни автоматического освещения, ни видеофона, и дорожки почищены

вручную, лопатой. Почему-то это бытовое наблюдение при-мирило Леву с личностью, ему персонально неизвестной. Поместье-то было немалое, просто кусок елового леса с вековыми деревьями, даже дом от ворот не виден. И при всем этом небедный, надо полагать, человек не чурается орудовать самой обыкновенной лопатой.

Мария в задумчивости провела пальчиком по древнему, почерневшему столбу, на котором красовался самый настоящий фонарь за решетчатым «намордником»:

– Опрощение в чистом виде. Интересно, а нужник тоже на улице?

– Пойдем зайдем и спросим, – предложил Гуров, хмыкнув.

По дорожке углубились в чащу и в глубине еловых зарослей обнаружили старую, самую что ни на есть советскую дачу. Над кирпичной трубой поднимался теплый морок, окна, подернутые морозом, были ярко освещены.

– Ничего себе, аутентично, – одобрила Мария, взявшись за ручку.

Гуров, мягко отстранив ее и отодвинув за спину, вошел в дом первым.

Внутри было неожиданно чисто и как-то по-мещански уютно. Пахло хвоей и почему-то парафиновыми свечками. В небольшой прихожей ровненько расставлены валяные тапочки, и их количество наводило на мысли, что гости тут – зверь нередкий.

Лев Иванович постучал по стене.

Ответа не последовало.

Раздвинув бамбуковые занавески, прошли в гостиную, просторную, на весь этаж, отделанную потемневшим от времени деревом. Теплились дрова в большом камине, выложенном камнями.

Тут уже преобладали другие запахи – табака и чего-то кисловатого, наподобие энергетика. По правую руку – кухонный угол с барной стойкой, по левую – подиум, на котором сияла ударная установка, огромные динамики, два блестящих «гибсона» на подставках. Посередине помещения царил огромный мягкий диван на целую компанию.

«Богема», – отметил Гуров, с интересом разглядывая импровизированный стол: широченный, красивый, нарочито грубо обработанный слэб, установленный на обычный пластиковый ящик из-под пива.

На отличном плюшевом ковре запросто, по-панковски, валялись пустая бутылка и сплюсненные жестянки.

– Абсент. Ничего себе! – Мария тронула носком сапожка бутылку, та скатилась с ковра, тихо зарычала, постукивая по доскам пола.

Гуров, деликатно откашлявшись, предположил:

– Слухи о том, что он завязал наглухо, несколько преувеличены?

– Твоя правда, похоже. Хотя директор утверждал, что последний залив у Сиды был два года восемь месяцев назад.

– Ведет точный учет? – с сатирической заботой спросил он, но жена посоветовала не валять дурака.

– Лева, от него зависят десятки, а то и сотни людей. Не только актеры, но и весь штат театра, и поставщики, и прочие, и у всех дети, займы, ипотеки. Как считаешь, хорошо ли они помнят, когда у шефа был последний запой?

– Воистину, – смиренно согласился он, понимая, что супруга в творческом процессе понимает больше, – вопрос в другом: сам-то он где?

Вверх вела современная крутая спиралевидная лестница. На втором этаже было тоже ничего себе, хотя и скромнее: небольшой каминный зал и двери в три спальни. Из них одна казалась обитаемой: заправленная кровать, старое трюмо и стул, на котором были сложены спортивный костюм и футболка. Две другие комнаты были назначены кладовками, то есть забиты различным хламом, коробками, чемоданами, в том числе какими-то вовсе доисторическими. Ни в одном из этих помещений никого не оказалось.

Вернувшись в гостиную, Мария отправилась рассматривать музыкальный арсенал, Гуров – «стол» и окрестности.

В целом помещение производило впечатление странное. Вроде бы бардак, но в мойке – ни одной грязной тарелки. На ручках кухонных полок висели свежие полотенца, на варочной панели обнаружилась кастрюля куриного бульона, причем самоварного, более того – свежего.

И в то же время на ковре – безжалостно раздавленный бо-

кал, очевидно, под шампанское. И никак нельзя было сообразить, сколько человек принимало участие в заливе. Фужер из-под шампанского – один, одна пивная кружка в оловянном окладе, осанистая, бургерская, красивая водочная стопка. Две большие, на пол-литра, гжельские кружки, в одной – чай, в другой – кофе. Один ящик пива. Одна пустая бутылка абсента. Пепельница с разнообразными окурками – «Донской табак» и «Парламент». На диване лежала старая гитара, стопка прошитых листов и поверх них – папка с логотипом «Мои документы».

«Наверняка Мариин контракт, и, наверное, не только ее. Многовато что-то», – подумал Гуров и произнес:

– Такое впечатление, что обсуждение деталей придется отложить.

– Есть такое подозрение. И как бы не насовсем, – мрачно подтвердила Мария, – если это его...

Носком сапожка она выгнала из-под дивана шприц. Гуров, опустившись на колени, осторожно потянул носом, но ничего особенного не ощутил.

– Самое разумное сейчас – это подняться туда, где есть устойчивый сигнал, и вызывать полицию.

Жена не ответила. Оказалось, что она, отложив папку «Мои документы», листает сброшюрованную распечатку. Страница сменяла страницу, и Мария, сдвинув брови, как будто совершенно выпала из реальности. По подвижному лицу, как по небу облака, пробегали разнообразные выражения

– от нежной любви до лютой ненависти, от постыдной страсти до горького прозрения, от материнской нежности до животной злобы. И прозрачные тонкие пальцы, точно дирижируя, выписывали немую, но такую красноречивую вязь.

«Нет, к жене-лицедейке привыкнуть невозможно. И это прекращать надо», – решил Лев Иванович, деликатно, но твердо извлекая супругу обратно из мира иллюзий в осязаемый.

– Ты со мной.

Мария, моментально придя в себя, взмолилась:

– Левушка, ну будь человеком! Я же никуда не денусь, тут посижу, дочитаю!

Супруг, разумеется, был непреклонен.

– Будет еще время. И бумаги отложи пока все-таки на место.

Она со вздохом подчинилась, как ребенок, которому приказали до утра не подходить к елке и подаркам. В полном молчании они пошли к воротам, сели в машину.

«Нет, обратно до шоссе задом сдавать не стану, не ровен час, слетишь в ущелье – кому от этого легче? Вроде бы по навигатору не было сквозной дороги, но ведь должен быть какой-никакой карман, разворот. Как-то же они должны разъезжаться. Тоже мне, анизотропное шоссе».

Поднялась густейшая метель, ехать приходилось почти ощупью, ведь в свете фар только и было видно, что кружащиеся хлопья, и стоило чуть повысить скорость, как склады-

валось впечатление, что едешь напрямик в снежную воронку. И вновь приходилось оттормаживаться, едва дыша, ведь непонятно, на каком расстоянии от колес заканчивается дорога и начинается пустота и каково состояние обочины ponad оврагом.

Спускались все ниже и ниже, и ни кармана, ни площадки для разворота так-таки и не появлялось. Заборы и заборы, сплошные, под облака. Снег, опускаясь на нечищеную дорогу, образовывал снежную кашу. К тому же какой-то умник, ранее проехав, бестолково то газовал, то буксовал, в итоге под снегом скрывался еще и накатанный лед. Кидало из стороны в сторону, машину приходилось вести, дыша через раз.

Да, городские «липучки» тут не к месту, уместнее цепи, на худой конец – шипы. Гуров уже жалел, что покатился вниз (не факт, что получится взобраться обратно) и что не кинул в багажник лебедку.

А Марии что? Она дулась.

Не отрывая взгляда от дороги, полковник кожей ощущал женино жгучее недовольство. Увлеченная чем бы то ни было, она становится такой упрямой и непонятливой.

– Зачем надо тащить меня невесть куда? Вот сам бы поехал, развернулся и позвонил. Глядишь, и хозяин пришел бы. Что, выйти человек не может?..

И она не договорила, и он огрызнуться не успел: из-за резкого поворота, из-за снежной завесы прямо под колесами возникло в метельной мгле синевато-белое, бесформенное,

скрытое.

Руки-ноги сработали сами собой, до того как включился мозг. О чудо, и машина юзом не пошла, и в овраг никто не слетел, оставляя на елках обрывки жести. Повезло.

«Спокойно, спокойно». Вывернув колеса, подняв ручник, Гуров вышел из салона.

Метель немедленно угостила комом снега в лицо. Лев Иванович утерся, поднял воротник и надвинул капюшон.

Человек, лежащий лицом вниз поперек дороги, был гол по пояс, к тому же без обуви. Снег под ним подтаял, лбом он упирался в дорожный щебень, к нему же примерзли темные, с сильной проседью волосы. Мышцы на широкой спине застыли буграми, кое-где уже намело островки снега, с левого бока чернел кровоподтек, на синеватой коже проступали запекшиеся царапины, глубокие, с замерзшей кровью. Длинная жилистая рука, сплошь покрытая татуировками, выброшена вперед, пальцы сведены судорогой. Посиневшие, уже скорее почерневшие, голые ступни упирались в снег.

Лев Иванович опустил на колени, на всякий случай прикоснулся к шее лежащего, глянул на часы, зафиксировав время обнаружения.

Без десяти четыре нуля.

Подсветив фонариком на телефоне, сыщик убедился: отныне и далее Сиды искать уже не надо. Его местонахождение можно будет установить с математической точностью, по протоколам, актам и свидетельствам. По документам на за-

хоронение.

Вздыхнув, Лев Иванович снял куртку и прикрыл тело. Глянул на дисплей, убедился, что сигнал лучше не стал. Что ж, до шоссе придется на своих двоих бежать, вот и хорошо, налегке сподручнее.

Он поднялся, отряхивая коленки, глянул в сторону машины. За лобовым стеклом маячила Мария: враз побледневшее лицо и два огромных провала на месте глаз. Гуров ободряюще улыбнулся, подойдя к машине, распорядился нарочито спокойно, отчетливо:

– Не выходи. Заблокируй двери, не выключай мотор. Сиди, грейся, жди меня.

И побежал к шоссе молодецким спортивным макарон, то и дело поглядывая на смартфон. Всего каких-то сто метров с хвостом по петляющему проклятому терренкуру – и появились две призрачные «палки». Полковник поднажал – показалась и третья. Быстро отыскав в интернете номер местной дежурки, дозвонившись и представившись, Лев Иванович описал ситуацию, в том числе и то, что не может точно сказать, где обнаружено тело.

– Адреса не знаю. Я встречу на шоссе.

Дежурный почему-то удивился:

– Товарищ полковник, а чего это вы на шоссе?

– Да какая разница-то? Низина там, нет связи, – недовольно ответил Гуров. Адреналин схлынул, зуб на зуб уже не попадал, и сырость поганая до костей пробирала.

А дежурный, сидючи в тепле и наверняка у калорифера, дотошно интересовался:

– Что, и у дома семь нет?

– Можно сказать, что нет.

– Ну вот куда же он опять-то... – Не договорив, дежурный спохватился и отрапортовал: – Виноват, товарищ полковник! Овражная, семь. Выезжаем.

«Не надо ждать их на шоссе – мне же лучше, – и, оставив мысли о солидности и прочей шелухе, Гуров припустился под гору, к теплой машине. – Невозможно же! Что понесло его на улицу, да в натуральном виде, да босиком...»

На его удивление, жена послушно сидела в машине, склонив голову и закрыв лицо руками. Из динамиков Владимир Семенович Высоцкий пел о том, кто «шутит – не дошутит» и «что голос имел – не узнал».

Полный антураж для стопроцентной рефлексии и черного отчаяния.

Пришлось постучать в окно. Жена, конечно, ни слезинки не проронила – не такой она человек, но глаза были сухие, воспаленные и тоскливые. Чем эта женщина забивала себе голову – было совершенно очевидно.

Лев Иванович, влезши в салон, отогрел ладони у печки, а потом решительно сгреб жену в охапку, прижал к себе так, чтобы и пикнуть не могла, произнес веско и безапелляционно:

– Слушай внимательно. Если еще один талантливый че-

ловек окончил свою жизнь, как собака, на обочине, это не значит, что такая же судьба ожидает тебя. Поняла?

– Угу, – буркнула она, – отпусти, свитер у тебя мокрый.

И все-таки успокоилась.

Вскоре сверху показались прыгающие фары и маячок полицейского «уаза».

Глава 3

Группа выгрузилась, следовательно козырнул:

– Здравия желаю, господин полковник. Какими судьбами к нам?

Выяснилось, что они как-то уже пересекались в области по одному из дел, но Лев Иванович никак не мог вспомнить, как его имя-отчество. Фамилия – Рожнов, физиономия хотя и флегматичная, но по-своему приметная, узкое худое лицо, набрякшие веки, длинный нос и плотно сжатые губы. Ни дать ни взять – великий инквизитор из местных. Однако, кроме шуток, в том деле следак показал себя с наилучшей стороны, как в кабинетной работе, так и тогда, когда пришлось руки крутить.

Итак, о руках. Гуров пояснил, пожимая одну протянутую, вторую, третью:

– Да вот, случайно. Супругу подвозил...

Выпустили повизгивающую от возбуждения и предвкушения собаку, которая немедленно утащила девчонку-кинолога в сторону от дороги. Они обе ухнули в овраг, да так лихо, что лишь кусты затрещали. Было слышно, как они скатываются все ниже и ниже, довольно ловко, так что была надежда, что до дна ущелья доберутся благополучно.

В ожидании медиков тело не трогали, только невысокого роста, худощавый сержант, откинув куртку, горестно качал

головой.

– Твою ж... дядя Миша, дядя Миша...

– Фанат? – спросил Гуров. Старался, чтобы получилось необходимо, но мальчишка все-таки насупился.

– Фанатизм – понятие нездоровое, господин полковник, показатель глубоко подавленного комплекса неполноценности и страха, – вежливо, хотя без должного уважения заметил он, – а вот на песнях его многие выросли.

– Упаси бог, – от чистого сердца ужаснулся Лев Иванович, припоминая ряд слышанных образчиков.

– ...И в органы пошли именно для того, чтобы вот этих всех ужасов не допускать, – назидательно закончил сержант.

Почему-то стало очевидно, что молодому человеку несвойственно проявлять почтение к старшим по званию. Следователь Рожнов призвал к порядку:

– Зубков, прикрывай диалектику и звякни медикам, где они запропали.

Сержант Зубков четко, по чину козырнул, но выполнять приказание не помчался, напротив, обратился к Гурову:

– Товарищ полковник, так чего, около дома связи нет?

– Практически нет, – подтвердил Гуров, с интересом разглядывая его. Судя по всему, это с ним беседовал по телефону.

– И в самом доме?

– И в самом доме нет.

– Опять сбил, что ли, – пробормотал он, – стало быть, при-

дется к шоссе чапать...

– Чапать... – повторил Гуров, – а что сбил? Или у него тут усилитель сигнала имелся?

– Ну а чего не иметься, имелся. Сами видите, низина же, – пожал плечами сержант, вздернул подбородок – ровно настолько, чтобы показать пренебрежение, но в рамках субординации.

«Какой товарищ интересный. Блатной, что ли? За место не держится, авторитетов не признает. Или просто дожил, полковник, не вызываешь в нижних чинах ни почтения, ни трепета», – посетовал про себя Гуров и уточнил:

– То есть дядя Миша не такой дремучий был? В телефон-интернет умел, и вполне?

– Чего это – дремучий? Не хуже нас с вами. В доме у него расположена репетиционная база, приезжают музыканты – свои и сессионные, к тому же и партии присылали по интернету. Ну, дома записывают и присылают, а он тут сводит...

Снова прервал следователь, что характерно, вежливо и без мата:

– Не про искусство, а про интересное. Зубков, где медики?

Совершенно определенно сержант услышал в голосе старшего сто первое китайское предупреждение. Во всяком случае, на этот раз он, козырнув, припустился в горку.

Следователь снял с лежащего куртку:

– Ваша, господин полковник? Или побрезгуете?

– Глупости, – поморщился Гуров, облачаясь. Еще не хва-

тало, хорошую куртку в расход.

– Обнаружили в таком натуральном виде, раздетым-разутым?

– Именно. Сам я его не разоблачал, можете поверить.

– Угу... и рядом?

– Нет, никого.

Один из полицейских подал голос:

– Тут вот тапки. И кофта.

«Тапки? Какие тапки?»

Оказалось, что самые обыкновенные, пластиковые шлепки.

«Что с тобой сегодня, полковник? – отругал себя Гуров. – Ну как так-то, не увидеть?»

С другой стороны, с чего он-то должен смотреть. К тому же вещи порядком занесло снегом. Так они и жались сиротливо у чужого забора – бережно сложенная спортивная куртка «Рейма» и пара этих самых «тапок» с ближайшего рынка.

Сверху спускались сержант Зубков, врач и двое санитаров с носилками.

– Ну наконец-то, – проворчал следователь, – за смертью только посылать.

– А мы, Степа, съезжать не стали. Знаем мы тутошные элитные дороги, – пояснил доктор, пожимая руки, и пояснил Гурову, как единственному лично незнакомому: – Мы еще прошлой зимой знаешь как сиживали. И чего только прямо в машине делать не приходилось. Тут и роды принимали, и

реанимировали. Да и каталку – ну ее, на носилках вернее. Да. Колея уже, смотрю, глубокая, и не развернуться...

– То есть там и внизу нет разворота? – уточнил Гуров.

Врач усмехнулся:

– Есть аж сквозной проезд, на шоссе выходит, километрах в шести ближе к Москве. Только заперто на железный шлагбаум, на цепь да на кодовый замок. А код от замка сторож – чекист старый – каждую неделю меняет. Уж сколько ругались с ним – как об стенку горох. Вишь, чтобы чужие пробки не объезжали. Чего тут?

– Плохо тут, – встрял Зубков, – вот.

– У-у-у... мать честная.

– Эх, Миша, Миша, – подхватил санитар номер один.

– Да-а-а-а, – подтвердил номер два.

Как-то это уже начинало раздражать. Что они, в самом деле? Точно помер некто для всего мира родной и знакомый.

– Вы его нашли? – Врач выслушал Гурова вполуха, качая головой, быстро осматривая тело. – Жаль, жаль. До слез. Хороший человек был, только-только в себя приходиться начал. Так, ну что, по ходу, ребро, да не одно. А это... что это за?.. Похоже на итоги потасовки, но какой-то несерьезной...

На белой восковой скуле проступал кровоподтек.

– Ну допустим... чего это он такой исполосованный? По-светите.

Быстро обследовал царапины на спине, боках и животе.

– Свежие, – доктор взял гибкую еще руку, осмотрел вены,

длинные пальцы с куцыми ногтями, – чисто... ага. Вот это, на спине, это пикантное, от маникюра. Эти, остальные, попроще, – он провел пальцем по открывшемуся дорожному щебню, – оттаяло...

Не церемонясь – не перед кем и ни к чему, – приспустил на погибшем штаны:

– Ага, тут исколото все. И вот еще один кровоподтек, скорее всего, от удара. Так, и он же лежал как есть, неглиже? И босой?

Его заверили, что так и есть.

– Что предварительно скажете? – спросил следователь. – Сам замерз?

– Да, конечно, что ж еще-то. Все ж таки не девка же красная у общаги гастарбайтеров, подозревать насилие нет оснований. Голый, пятна розовые – чего тут придумывать. Сорвался, напился, рванул куда-то на мороз. Все. Печально, конечно, – вздохнул он, – печально. Степа, приступаем?

Следователь кивнул, они принялись за работу, констатируя, что личность установлена в результате показаний свидетелей, а равно и:

«...осмотр проводится в ночное время, при искусственном, недостаточном освещении.

Труп расположен поперек проезжей части улицы Овражной, головой в сторону Канатного оврага, в лежачем положении, лицом вниз, лбом упираясь в землю (см. схему).

...левая рука согнута, ладонь под животом, правая рука

вытянута вперед. На руке, от запястья до предплечья, имеется татуировка – колючая проволока, тачанка, знак анархии, надпись «Воля або смерть» (см. фото).

...черные штаны плотной ткани, шесть карманов, с биркой «Военторг»... остальная одежда, обувь, носки отсутствуют.

...кожные покровы синюшные, местами имеются кровоподтеки и царапины. На расстоянии сорока семи сантиметров от ног обнаружены черно-красная куртка спортивная фирмы «Рейма», шлепанцы домашние, размер сорок пять.

Язык в полости рта, глаза закрыты, с левой стороны на скуле имеется кровоподтек. Следы крови обнаружены в левой ноздре.

На верхних сторонах обеих ягодиц – множественные следы, предположительно от инъекций. С левой стороны спины, на ребрах и подреберной области – обширное подкожное кровоизлияние».

Быстро и толково завершив осмотр и описание, врач дал команду забирать. Не без почтения, даже торжественно, уложив тело на носилки и прикрыв простыней, медики отправились обратно к шоссе, покорять снежную вершину.

– Ну а мы в дом, – распорядился следователь Степа.

– Если позволите, я с вами, – подал голос Лев Иванович, – там документы супруги.

– Вы имеете в виду – ее документы?

– Не ее, но для нее.

– Это понятно. Но как же я вам их отдам-то, с места... – начал было Степа, но тут снова вклинился сержант Зубков. Молодой человек отличался не только острым слухом и беспардонностью, но и любовью к искусству и потому совершенно определенно разглядел, кто там куксится в полковничьей машине.

– А я могу отксерить в отделении – и копию выдадим.

– В целом не возражаю, – подумав, разрешил следак, – но все-таки, для общего развития: что за документы?

– Ничего сверхсекретного, сценарий новой постановки, – небрежно пояснил Гуров, прикидывая, на какую пачку бумаги сейчас выставит отделение.

– Тогда, конечно, не возражаю, – легкомысленно позволил полицейский, – пока осмотр проведем, Зубков как раз управится – и мухой обратно.

– На машине? – въедливо осведомился сержант. – Мухой ногами не поспею.

– На машине быстрее поспеешь? Ладно, бери.

Обеспечив дежурных понятых – на эту сторону поселка ни одна дверь, ни одна калитка более не выходили, отыскать соседей не представлялось возможным, – группа начала осмотр дома.

Гуров скромно держался в сторонке, тайно радуясь тому, что не принимает в этом участия.

«Давайте, давайте, благословясь. Самая нужная и одновременно самая похабная часть – влезши с ногами в чужой

дом, в чужую жизнь, пусть и прервавшуюся уже, рассматривать, хватать, вынюхивать, пальцами в самую блевоту залезать. Выйти, покурить, а то и вытошнить все вот это, мучительно, с кишками, – а потом обратно копошиться. Хорошо археологам, у них-то все уже окаменело, аккуратненькое, а тут по живому, точнее, тому, кто совсем недавно был таковым... Так, отставить. Что за упадничество, неужели заразила меня Мария? Не иначе».

Скрупулезно описывали-переписывали то, что Гуров уже видел, облекая в удобоваримую форму и наукообразные термины следы условно-совместной попойки и безусловно коллективного творчества, шприц, использованный, что наиболее вероятно, не для введения витаминок.

Никакого эдакого сыщицкого азарта он не испытывал. В принципе не переваривал эти сопливые метания «по горячим следам». Горячку вообще не надо пороть. Никогда. Особенно в первые двадцать четыре часа после того, как случилось несчастье, можно таких выводов наделать – не разгрешься.

Люди – существа, склонные к тому, чтобы реальность под себя подбивать, а если что не вписывается в привычную картину – изгонять с позором. Проверено: даже если сам по себе тот же пострадавший был лично незнаком и неприятен, нет-нет да будешь испытывать и гнев, и азарт, если помоложе – то стремление найти и покарать паскудника (а то и отличиться).

А тут сила всех вышеперечисленных эмоций, накал их куда больше. Погиб человек, напротив, лично симпатичный, скончался некрасивой, злой смертью и вроде бы по своей вине, но ощущается желание отыскать того, кто виноват. Причем это не могут быть, скажем, среда, собственные дурные привычки, распущенность – это именно нехорошая личность.

Хотя, казалось бы, с чего вы взяли, что он вообще существует, этот виноватый?

К тому же есть в этих метаниях «по горячим следам» немалая опасность. В первые двадцать четыре часа в глаза бросается очевидное. Велик соблазн предположить, что убийца вот он, стоит за углом и зловеще хихикает, выдавая себя за свидетеля. Обнаружили его, уличили – полный виват и ура. Не бывает такого, если только убийца – не дурак набитый и не псих. Это идеальная ситуация, для боевиков.

Сейчас станет ясно, что ловить и уличать некого, появится подозрение, а потом и стойкое ощущение, что и криминала никакого нет. Придет осознание и смирение перед бесспорным фактом: и хорошие люди напиваются и замерзают в сугробах.

Подъем и буря эмоций сменяется нормальным, спокойным течением, рутинной работой, к тому же в районе множество всего происходит, придется – хочется того или нет – соскочить с громкого дела на повседневные...

«Давайте, давайте, трудитесь. Как все-таки хорошо, что я

стою тут такой незаинтересованный, спокойный, томный и рассудительный, и нет мне ни малейшего дела ни до чего...»

Враки. Полностью абстрагироваться от происходящего хронический профессионализм не позволял. И вот уже помимо воли сами лезут в глаза какие-то новые, не замеченные ранее (за ненужностью) детали и детальки: теплые вещи – пальто, шарф, – оставшиеся на вешалке, просторные валенки с калошами, которые наверняка было принято надевать для быстрых перебежек до ворот, а то и просто снег почистить. Почему нельзя было надеть все это – а потом уже высказывать на мороз?

Тут же, под зеркалом, притулились выходные высокие, до блеска начищенные «гриндера» с удивительными шнурками. Точнее, шнурки были самые обычные, просто зачем-то связанные в узел и бережно убранные внутрь.

Шнурочки, аккуратно завязанные, шлепки, по линейке выстроенные у забора, куртка, сложенная на снегу... «Что за темное это существо? Замерзая и умирая, привычно укладывает вещички. И вообще, охота была время тратить каждый раз на развязывание. Странноватые привычки для панка».

Уникальные были «гриндера», лет двадцати, а то и более, старые, исцарапанные, сбитые, поношенные, но не сломленные. Из тех, что зовутся вечными и передаются из поколения в поколение с легендами о том, как ими давили бутылки в Петровском парке или на концерте в Горбушке.

Небось и подкладка не стерлась. Заглянув внутрь, сы-

щик заметил, что внутри одного из ботинок что-то блестит. Из любопытства подсветил фонариком – внутри оказалась небольшая стеклянная баночка, похожая на те, с резиновыми крышечками, в которых содержатся всякие растворы для инъекций.

В прихожую вышел следователь Степа, держа папку «Мои документы».

– Нашли что-то увлекательное?

– Да вот, флакончик.

– Убийца – санитарка, перед преступлением ела яичницу и была одета в красный пуховик. Все, можно расходиться, дело раскрыто, – пробурчал Степан, но эксперта, конечно же, позвал.

– Вот это, надо понимать, для вашей супруги, – он протянул папку, вынув оттуда два листочка и оставив прочие, – неподписанный договор.

– Что-то не щедро, – пошутил Гуров.

– Да мне не жалко, но остальные не ее, это точно. Она же не Яковлев и не Лопарев, нет?

Полковник утешил:

– Нет, конечно.

– И не ударник с гитаристом. Стало быть, не ваши договоры.

– Великая вещь – дедукция.

– А вот и я, – доложил сержант Зубков, вытирая ноги и протягивая Гурову одну пачку, а следователю – вторую,

сброшюрованную.

Степан запоздало возмутился:

– Это ж сколько бумаги ушло?

– Не переживайте, пришлю вам с нарочным, – отшутился Лев Иванович.

– Только не обманите, – проворчал полицейский.

– Да я свою потратил, законную, – подал голос Зубков с интонацией «взрослые ж люди, как не совестно».

Войдя в гостиную, он уверенно отправился к винтовой лестнице, взобрался на второй этаж. Частый гость он тут был, и это очевидно.

Гуров прошел в гостиную – и снова, осматривая обстановку, не мог избавиться от мысли, что наблюдает некий диссонанс. Вроде бы все должно предполагать богему и беспорядочный образ жизни. И все-таки какой-то не такой тут бардак. Все указывало на то, что это жилище одинокого мужика, – и одновременно очевидны регулярные уборки. Возможно, приходит домработница.

Вот сколько минусов в этой элитности-уединенности таких вот поселков. В многоквартирном доме обязательно уже толклись бы соседи и знакомые, у которых можно уточнить массу моментов, установить множество фактов и фактиков. А тут не удалось даже найти соседские калитки, пришлось своих понятых подтаскивать.

Хотя дело привычки. Никого все эти нюансы не тревожили, и работали ребята отлично.

Нравился Гурову следователь Степа Рожнов, спокойный, неторопливый, грамотный, без подобострастности. Группа, несмотря на очевидную вовлеченность, трудилась профессионально, по-хорошему механически, не пропуская мелочей, от элементарного к сложному.

Можно было смело предположить, что хотя дело простое и очевидное, а человек многим знаком не хуже родного брата, последуют и выяснение личностей, и выявление связей, родных и соседей этих толстопятых да заносчивых опросят.

Разумеется, ничего нового, никаких супердедуктивных методов и искусственного интеллекта, все ножками да языком. Ножки нужны крепкие, язык – гибкий, а обладатель их должен быть практически дипломатом, способным не просто выудить информацию из человека, не просто расположить к себе, но и сделать его своим сотрудником.

Однако сейчас – пока, по крайней мере, – достаточно было немного свидетельства вещей. Следователь Рожнов быстро писал, эксперт, завершив эволюции, укладывал свои вещи и бережно упакованные образцы. Поймав взгляд полковника, он по-свойски кивнул:

– Отпечатки имеются, хозяина и еще четверых людей. Мужчин.

– Мужские?

– Да, только мужские, женских, годных к идентификации, пока не обнаружено. Имеется такого рода наблюдение: избирательно протерты поверхности и ручки...

– Дверные?

– И дверные, и на кухонном гарнитуре, и, pardon, в уборной.

– А выключатели?

– Выключатели тут сенсорные, прикасаться не надо, достаточно руку поднести.

– Да, любопытно.

– Есть над чем подумать при желании.

– А чего там за окурки?

– Окурки как окурки, больше всего «Донского табака», по всей видимости и по количеству судя, это хозяина. Гости – или гость – предпочитали «Парламент». Степа, забирать окурки-то? – адресуясь к следователю, спросил эксперт.

– Да возьми, чего нет, для полноты картины, – без особого интереса отозвался следователь.

И снова Гуров внутренне порадовался. Иной раз раздражало, когда коллеги – особенно молодняк – придавали какое-то магическое значение «мелочам», втайне полагая, что жвачка, прилепленная к обратной стороне стола, обязательно приведет злодея на скамью подсудимых.

Однако многолетний опыт свидетельствует о том, что куда скорее приведут на эту самую скамью – более того, за решетку – результаты кропотливой, скучной и обязательно неторопливой работы, поисков свидетелей, очевидцев, атомов и молекул, если повезет, то и крупниц истины.

Возможно, что-то про молекулы подумал и следователь,

поскольку напомнил:

– ...Пробы из флакона и бокальчиков. И шприц.

– На сенсацию не надейся, – предупредил эксперт, – практически стопроцентная гарантия – это лидокаин.

– Лидокаин?

– Самый обычный и безобидный. Конечно, проверим, но вряд ли.

Со второго этажа спускался Зубков, озадаченный, почесывающий затылок:

– Не, и там нет.

– Чего потерял-то? – спросил следователь.

– Усилок. Нет нигде. Кронштейн ходил смотреть.

– Да с чего ты вообще взял, что он был? – спросил эксперт.

Тот пожал плечами:

– Так я сам монтировал. Дядя Миша попросил – я и сделал.

– Доиграешься, Зубков, – заметили ему с подколкой.

Сержант мигом сник, надулся, официально козырнув и даже щелкнув каблуками, вышел.

«Что ж, и мне пора», – решил Лев Иванович, отправляясь на выход.

Обиженный нижний чин, пригорюнившись, курил у крыльца. Полковник похлопал парня по плечу:

– Что ты, Зубков, такой нежный. Не бери в голову.

– Я и не беру, больно надо, – проворчал он, сплевывая, – чего они со своими подколками. Сколько раз он его сшибал,

столько я обратно прилаживал... – И твердо завершил: – И ни копейки в карман не положил! Хотя дядя Миша и пихал.

– Сшибал-то зачем? – попытался выяснить Гуров.

– А кто его разберет? Взбрдет что в голову или достанут все – он и кидается. Удобная отмазка, если вдруг позвонит кто не тот, то не слышу ничего.

Сержант указал вверх:

– Видите? Кронштейн пустой.

– Да, ветер вряд ли бы снес.

– Какой ветер, елки кругом. Он это, самолично. Найдет, треснет палкой – антенна в сугроб. О, а вот, похоже, и она. – Сержант пошевелил носком сапога какие-то проволочки и рожки, торчащие из сугроба.

– Уединенно жил человек. И видеокамер не было, – как бы мимоходом заметил полковник.

– Как это не было, были. Только ведь они без интернета не пишут.

– Понятно. Слушай-ка, Зубков, а ты откуда вообще такой сведущий? И почему в полиции, а не, скажем, на вольных хлебах?

– Чем плохо? – пожал плечами сержант. – Интересно же. Попал как все, политех-шарагу окончил, из армии пришел – поработал участковым, потом подзадолбался, теперь вот дежурю. А что?

– Да нет, так просто интересуюсь, не для протокола. И ты, конечно же, местный.

– Так точно.

– Скажи мне тогда, ну а в доме-то как обстановка была, все тихо?

– Конечно.

– Конфликты с соседями были?

– Что вы, с чего?

– Шум, гам, музыка-то... нетихая.

– Так и не многоквартирка. Большие участки, лес, у всех новые, хорошие дома, и фасадом на главную дорогу. Тут и захочешь поссориться – не доорешься.

– Это да. Я почему спрашиваю, – решил пояснить полковник, – сам я к такого рода творчеству касательства не имею, а вот супруга моя должна была принимать участие в одном из его спектаклей...

Сержант расплылся в улыбке, довольной:

– Не обознался я.

– Не обознался. Ну так что по части закона и правопорядка? Не шалили? Я же должен быть уверен.

– Здесь тишь да гладь, – заверил тот, – вы, должно быть, думаете, раз Сид – то оргии с гетерами. Не, стереотипы, будьте уверены, ничего тут неформального и плохого. Прошли те времена. И потом, он не шпана подзаборная, люмпен-пролетариат. Это дача еще его деда. – И значительно поднял палец.

Гуров, подождав продолжения (и не дождавшись), напомнил:

– Ты не забывай, что я в ваших краях – птица залетная.

Деды у каждого имеются, в той или иной мере. Или у него некий пращур особенный?

– Генерал. Дядя Миша из семьи потомственных военных.

Ну что ж, простая разгадка странной тяги к условному порядку и тапкам по ранжиру. По физиономии Зубкова было видно, что эффектом, произведенным его заявлением, он доволен.

– Погоди. Главная шпана нашей эстрады?

Сержант поднял палец:

– А-а! Сид не эстрадник.

– Хорошо, хорошо, не это главное. То есть потомственный военный – и панк.

– У нас не Англия, потомственным панкам откуда взяться? А вот дедушка-генерал – это факт. Его и дача. Вот как дядя Миша перебрался из Питера в Москву, так и обосновался.

Лев Иванович, мельком глянув на часы, заторопился. Мария-то, наверное, уже извелась вся, взаперти сидючи.

– Спасибо. – Он пожал парню руку, тот ее задержал.

– Товарищ полковник, а можно автограф... ну, супруги вашей?

– Да уж понятно, что не мой, – беззлобно поддел Гуров, кивком пригласил с собой.

Получив стопку листов и выслушав пояснения по поводу того, благодаря кому они получены, молчаливая и мрачная Мария немедленно приободрилась, милостиво улыбнулась и

черкнула на протянутом листочке: «На добрую память сержанту Зубкову».

– Меня Сергей зовут.

Она, улыбнувшись, добавила скобочки и приписала: «Се-реже».

Не хотелось корячиться, разворачивая машину и мешая людям, поэтому Лев Иванович все-таки доехал до шлагбаума, о котором врач говорил. В самом деле, такому объекту место разве на переезде – бескомпромиссный, цельносварной монстр, обмотанный якорной цепью. И замок имел место – огромный, кодовый, еще советских времен, заботливо прикрытый от непогоды обрезком пластиковой бутылки.

Да уж, граница тут на замке. До самого шлагбаума, судя по следам разворотов, кто-то, но доезжал, по ту же сторону шел лишь один след. Прорвался тот, кто пароль ведал. Полковник подлез под шлагбаумом, огляделся: к сожалению, ни тени сторожки. И в самом деле, зачем она тут? Чужие-то здесь не ездят. Странновато показалось, что вроде бы машина ехала не от шлагбаума, не со стороны дома Сиды, а от него. Однако след несвежий – да и как он может быть свежим, на таком-то снегу. Разберутся, ничего.

...До дома добрались без приключений и в полном молчании и затем, насколько хватило сил, корпели каждый над своими бумагами: Гуров – над бухгалтерией, Мария – над полученными листками. В доме царила тишина, торжественная, как при покойнике.

Глава 4

Посвежевший и постройневший, вернулся с Домбая Крячко. И первым вызвал из небытия тень покойного панка.

– Наслышан, наслышан, – сообщил Станислав, выгружая мед и прочие сувениры, – ты, господин полковник, точь-в-точь как та самая эта...

– Так и говори – свинья, – хмыкнул Лев Иванович. – Дело-то как было...

Он обрисовал ситуацию с несостоявшимся расширением горизонтов.

– Марии, думаю, обидно, – согласился Станислав, – а по мне... ну и по тебе, куда ж тебя-то девать, и слава богу, меньше беспокойства. Конечно, гражданин Ситдигов по сравнению с иными культурными явлениями выглядел ангелом. Пусть и без крыльев.

Гуров вздернул бровь и закатил глаза.

– Ты что? – удивился Крячко. – Ни одного протокола за четверть века – это тебе не фунт изюма, а железный факт и большая редкость.

Лев Иванович возмутился:

– Да что вы, сговорились, что ли? Жена-то понятно, если ей что-то в голову взбредет, она и черта оправдает, а ты с чего взял? Разница-то есть между «ни одного» или «ни одного серьезного»?

– Лева, ты чего? – удивился Станислав. – Ну я же тебе говорю, что ни-че-го, то есть абсолютно.

– Да не бывает так. Порядочный неформал, который ни разу прилюдно не нажрался, не переломал мебели в гостинице...

– Ни-че-го, – повторил коллега.

– ...не набил бы лицо репортеру...

– Да проверял я!

– В связи с чем? – требовательно спросил Гуров.

– Да просто все, – проворчал Крячко, – доча как-то поставила ультиматум: иду на Сиды в «Олимпийский». Мать в крик, я, понятно дело, – нет, и все, а она так индифферентно: некультурно так с детьми обращаться. Мы взрослые люди, так?

– Ну, ну?

– Вот и ну. Говорит: папуля, найдешь имя Сиды хотя бы в одной оперсводке – тогда не пойду, договорились? Я и купился.

Станислав замолчал, потирая уши, и наконец угрюмо закончил:

– Только даром время потерял. Не нашел.

– И что же, пришлось отпустить?

– Щаз. Я с ней пошел.

– И что же?

– Ничего, нормально, – пожал плечами Крячко, – голос красивый, музыка ничего. Если бы не дергался, как эпилеп-

тик, – вообще было бы здорово. Правда, доча сходила как-то в его театр – вся в соплях вернулась, расчувствовалась. Талантище, драматический гигант, говорит.

– А что смотрела?

– Да я помню, что ли? В своем стиле, про какого-то брадобрея-потрошителя.

Отсмеявшись, Гуров призвал к порядку:

– Ну так и быть, пусть будет панк дисциплинированный и законопослушный.

И вернулся к текущим делам, и занимался этим до того, как по-хозяйски отворилась дверь кабинета и на пороге возникла секретарша генерала, Верочка.

– Трудимся, господа полковники? – поинтересовалась она, постукивая ноготками и поправляя локон.

Станислав солидно заверил, прихлебывая чай и по-купечески отдуваясь:

– Ой, трудимся, Верочка, семь потов сошло.

– Молодцы, – одобрила секретарша шефа, – вы, Станислав Васильевич, можете продолжать трудиться, а вы, Лев Иванович, извольте отправляться к руководству. Оно жаждет вас видеть.

– Он разве не в Питере? – удивился Крячко.

– С чего это вне графика? – с подозрением спросил Гуров.

Безупречная Верочка поджала тонковатые губки: мол, дела руководства излагает лишь руководство.

– Понятия не имею. Вот, только с поезда – и потребовал

вас. Идите и спросите, там немедленно разьяснят.

– ...Присаживайся, Левушка, – пригласил Орлов.

Старый разыскник, он терпеть не мог своего генеральского мундира и обычно ходил в добротном, сшитом в прошлом веке сером костюме. Сегодня он, нарушая протокол, был одет в костюм черный, в светлой рубашке и с черным же, траурным, галстуком.

И был он непривычно печален. И разнообразные возрастные мелочи – мешки под глазами, морщины, сетки красноватые и прочее – как-то больше бросались в глаза. Генерал выглядел таким старым и усталым, что Лев Иванович отвернулся. Совершенно не хотелось ничего этого видеть.

Тем более что в свете последних событий почему-то все чаще приходили на ум глупые мысли о таких условностях, как время и возраст.

«Легко всяким умникам-фантастам, живой воды налакавшимся, толковать о том, что время – людская выдумка. А поясница каменная по утрам – снится мне, что ли?»

Гуров почему-то вспомнил шприц из-под лидокаина и невольно хмыкнул. «А вы забавник, Лев Иванович, может у человека просто спина болеть? Или если шприц, то обязательно от развеселого раствора? Боритесь с подозрительностью».

Чтобы прийти в себя, Лев Иванович воспользовался надежным способом: оглядел старый кабинет. Это помещение на всех действовало смиряюще, как-то все уменьшалось в

нем, и хорошее, и плохое. Может, из-за того, что времени тут просто нет? Уж сколько лет не меняется обстановка, все тот же длинный стол для многолюдных совещаний, выстроенные в ряд стулья с прямыми спинками. И опять-таки телефоны. К чему бы все эти телефонные батареи теперь, во времена интернета и сотовых, – но нет, стоят. Намекая тем самым, что по ним ведут не легкомысленные разговоры за жизнь, как по вашим глупым гаджетам, а важные беседы, и звонят по ним люди – не вам чета.

Осознавая, что «лекарство» подействовало, Лева занял свое излюбленное место, спиной к окошку, и приготовился выслушать некую историю, по всему видать, душещипательную. Все об этом говорило и подавало невербальные сигналы. Сколько лет вместе, тонкости, сигналы и детали изучены уж лучше собственного отражения в зеркале.

Опять-таки потупленные глаза, резкое, никчемушное перебрасывание листков календаря (не переваривает старый генерал новомодные настенные, с глупыми «бегунками»). И, наконец, глубокое погружение в недра сейфа.

– Есть одно дельце. Щекотливое, – наконец признал очевидное Орлов, прогудев из-за бронированной двери, – даже, точнее, не дело, а просто ситуация такая... ну ты понимаешь.

Гуров пока не понимал, но кивнул.

Генерал вынырнул из сейфа со средней толщины папкой, отложил ее деликатно в сторонку, до времени. Снова занес палец над ни в чем не повинным календарем и вроде бы со-

брался уже надругаться над чередой дней, откатив ее назад или заставив прыгнуть вперед, – сдержался, убрал руки за спину и принялся излагать, шагая взад-вперед:

– Точней, дела-то как раз никакого нет, а вот ситуация взята под контроль.

– Я понимаю, что наивен, и все-таки – это как же так?

– А вот так. Причем не только нашим руководством.

– Допустим. Почему же его нет, дела-то?

– Потому что официально пострадавший – не есть пострадавший, смерть его наступила от естественных причин. Естественных при его образе жизни... или нет. В общем, картина такова, что человек умер сам. В то же время не исключено, что этот же человек мог выступить ключевым свидетелем по делу о нецелевом использовании бюджетных средств. Или одним из подозреваемых.

– И что же, есть основания полагать, что ему помогли скончаться от естественных причин? Так?

Генерал кивнул, дернул подбородком, проворчал совершенно по-стариковски:

– Дичь какая.

Помолчали. Полковник, деликатно откашлявшись, предложил:

– Петр Николаевич, мы же с вами достаточно близко знакомы. Можете смело называть людей своими именами.

– Хватит язвить-то, – недовольно попенял Орлов, – назову имя, не беспокойся. Ситдигов, Михаил Юрьевич...

– То есть?

– ...член Думского экспертного совета по развитию информационного общества и средств массовой информации, – твердо закончил генерал.

– Серьезно? – недоверчиво спросил Гуров.

– Да, – подтвердил Орлов, – именно.

Пауза. Лев Иванович уточнил:

– Мы с вами, Петр Николаевич, одного и того же человека имеем в виду?

– Да, да, – уже с раздражением подтвердил руководитель. – Ну меня-то ты что глазами пожираешь? Пробегись, легче станет.

– Не станет, пока не с чего.

– Сейчас будет, – пообещал Орлов, потер ладонями лицо и затих снова.

Гуров терпеливо ждал. В самом деле, бегать пока рано, хотелось бы в общих чертах понять причины начальственного раздрая.

– Еще раз. Помимо шуток, Ситдииков не просто входил в эту структуру, как можно было бы предположить. Работал на совесть, выдвигал по-настоящему полезные инициативы, особенно с трудной мелочью, подростками... ну кому, как не ему, виднее. Подростки верили всему, что бы он ни говорил. Ну и выступал, конечно.

Генерал снова замолчал. Гуров кивнул, давая понять, что пока все кристально ясно.

– То есть выступал, – повторил Орлов сердито, – не по делу выступал. Особенно после того, как окончательно бросил все, связанное со спиртом и наркотиками, на трезвую голову понесло его. То про русскую идею, то про необходимость идеологии. Несло иной раз и с анархизмом. Нес и про деньги, финансирование. На что, мол, тратятся народные копейки, что за саботаж в кинотеатрах, голубятня на книжных полках и всякое прочее в том же духе.

– Это, положим, любому нормальному человеку очевидно, – заметил Гуров. – Ну а сам-то он что, на свои творил?

– До недавних пор – именно. Однако за последний год... ну вот хотя бы помещение.

– Для театра?

– А, ты знаешь уже. Да, для театра. Предоставлено городом на льготных условиях в длительную аренду. И для спектаклей.

– Неужели деньги из бюджета? Учитывая тематику...

Орлов прищурился:

– А ведь я по адресу, не так ли, Лева? Ты, я смотрю, уже владеешь предметом, что ли?

– Бабушка рассказывала, в детстве, – нагрубил от неловкости, бывает. – Так что со спектаклями?

– Выделялись. И на постановку, и на ремонт помещения, и на рекламу. Вот эти штуки над дорогами, афиши...

– Баннеры.

– Да. И это за счет бюджета.

Орлов снова перекинул несколько листов на календаре.

– И тут, ближе к концу года, выясняется удивительная вещь. Вылезает, что Ситдиков покойный, оказывается, игрался с популяризацией современной культуры, изваял экспериментальный проект...

Гуров по-ученически поднял руку:

– Простите, Петр Николаевич, не совсем понимаю. Какой проект и какой культуры?

– Экспериментальной. Современной, – повторил Орлов, – что бы это ни значило.

– Он начал терять популярность?

Генерал возмутился:

– Я тебе что, искусствовед? Мне-то почему знать? – Он пододвинул наконец папочку, извлек из нее бумагу, пробежал по строчкам. – Смысл в том, что под его именем создана какая-то авторская платформа, зарегистрирована некоммерческая автономка, цель – многолетнее создание и демонстрация... как это там... театрально-музыкальных произведений различных форматов.

– Ну и финансирование...

– Да, за счет средств бюджета. И он же, оказывается, догадался подсовывать в Минкульт заведомо недостоверные списки представлений, с завышенными планами финансирования. И излишки, соответственно...

– ...на счета техничек, то есть подконтрольных фирмочек и комбинаторов. С последующим выводом. Лишь удач-

ная смерть от естественных причин помешала реализации преступного умысла, верно?

Орлов лишь рукой махнул.

– В таком случае, Петр Николаевич, тем более чего огород-то городить? Умысел-то не реализован.

– Да не совсем, Лева. Есть основания полагать, что интересы бюджета все же затронуты, и не исключено, что и следы потянутся... ты понимаешь. Наверх, к руководству.

– Ай-ай. Какому? – с шутовским ужасом спросил Гуров.

Орлов снова заворошил календарь, постучал пальцами по столешнице.

– Культура, понимаешь. Бочка бездонная. Там небось уже немало и подворовано, и отмыто. И возможно, если начать разматывать, то нити приведут на самый-самый верх...

– Понимаю.

– ...а могут и не повести. Могут, напротив, привести совершенно в другую сторону, точнее, в сторонку от тех, кто довольно высоко сидит и кто на самом деле мог на этом всем нагреть руки. А выяснить это... очень было бы полезно. Понимаешь?

– Да не совсем, – честно признался Гуров, – есть аудиторы, УЭБиПК, почему бы им не заняться?

И снова Орлов как-то чрезмерно нервно перекинул многострадальные листки. Когда еще человек может так запросто распоряжаться течением дней?

– Во-первых, в своей сфере они уже работают. Иначе от-

куда у меня вся эта информация?

– Резонно.

– Во-вторых, человек скончался. Это не к нашим экономистам, нет?

– Нет. К наркологам, к патологоанатомам.

Орлов сделал знак, Гуров, пожав плечами, замолчал.

– В-третьих, из нас всех только ты имеешь в женах умную, тактичную и сведущую в театральных делах женщину, которая и кухню изнутри знает, и способна сориентировать, подсказать нужное направление. Связи Мариины ценны...

Снова повисла тишина, вязкая как смола. Гурова это устраивало, пока можно уложить в голове, что к чему, и при любом раскладе соблюсти субординацию. Ну а Орлов закончит, раз начал.

Расчет оправдался. Петр Николаевич, тяжело вздохнув, признал:

– Ну да, есть еще и в-четвертых, оно же и в главных. И это строго между нами. Мы с его отцом служили вместе. Что смотришь? Я этого, как вы его называете, Сида, Михал Юрьича то есть, вот с эдаких лет помню, – генерал показал рукой, получилось нечто размером с табуретку, – и я с Юриных похорон.

Лев Иванович осознал сказанное не сразу. Потом еще какое-то время ушло на то, чтобы попытаться как-то привести в порядок навалившиеся массивы информации, блоки – разнородные, угловатые, друг с другом не сочетающиеся. Ну вот

как представить их вместе, скажем, за одним столом – подтянутого, строгого Орлова, человека-гору, и размалеванного, перекошенного «Михал Юрьича».

– Что, и отец умер? – наконец уточнил он.

– Да. Третий инфаркт, – сухо ответил генерал. – Так я к чему. Мишка был дурак, причем дурак честный. Игры с бюджетом, выстраивание цепочек-умыслов – не его это модус операнди. Мозгов бы не хватило. И я тебя, Левушка, не как подчиненного, как друга прошу: все-таки проверь свежим глазом, нет ли там чего... с двойным дном. Пакости какой.

– Несерьезно это, – помявшись, признал Гуров, – Петр Николаевич, я же сам его обнаружил. Замерз человек по пьяной лавочке. Хотя, честное слово...

Орлов мягко попросил:

– Лева, не надо «хотя». К тому же если его смерть была вызвана не совсем естественными причинами, спровоцирована...

– Ну как это возможно? В глотку заливали?

– Всякое бывает. Можно и без насильственных действий довести до самоубийства человека больного, после двух клинических смертей. Не исключено. Тогда тем более надо работать, делать свое дело, разбираться.

Гуров молчал.

– Лева, это твоя работа. Один раз отступишь, потом второй, потом уважение к себе потеряешь, а ты мужик...

– ...ты должен. Очень, очень свежо и остро. И все-таки: дело финансовое, почему мы?

– Дело сложное. И именно потому. Вот возьмет его на контроль шеф – и будешь разбираться уже в кратчайшие сроки, и бегать, аки хорт за зайцем, – жестко посулил Орлов, – не задавая вот этих вечных ментовских вопросов. Теперь серьезно: нет никакого Сиды, есть Михаил Ситдииков, член комитета Госдумы и тэ-дэ и тэ-пэ, вероятно, центральное звено в сети финансовых махинаций, скорее всего, сто пятьдесят девятая, часть четыре.

– Но ведь экономисты...

– Да, и они забегают, когда отмашка будет дадена. А ты не бегай, тебе незачем, у тебя уже все есть. Труп у нас имеется, документы – вот они, – он похлопал по папке, – дергать тебя никто не дергает... не дергает ведь?

– Некому, Петр Николаич.

– Вот и поработай спокойно, без горячки.

Он вздохнул.

– Прости, если резко. С тобой иной раз иначе нельзя.

– Да я понимаю, надо и рубануть сплеча.

– А вот надо! – Орлов выдвинул подбородок. – Потому что чем старше, тем мы терпимее, в любое положение входим, всех оправдываем – себя прежде всего! Возраст уже, на пенсию скоро, чего пупок рвать, проживем как-нибудь в хате с краю. А она, между прочим, всегда первой горит!

– Ничего, – примирительно кивнул Гуров, – я понимаю.

– Я о своих словах не жалею.

– Конечно. Зачем вам подчиненный, которому правду в глаза сказать нельзя.

Орлов дернул бровями, вхолостую поработал тяжелыми челюстями, точно продолжая речь. И, наконец, апофеоз: мягко, как кошачьей лапой орудя, он пододвинул к гуровскому локтю папочку, извлеченную из сейфа.

– Покумекай, Лева, только без спешки да шума, не привлекая внимания. Решишь, что в самом деле нет никакого криминала, то и со спокойной совестью... пусть экономисты трюфеля копают. На этом и успокоимся.

Иной раз бывает так: вроде бы все понятно, если не вникать в личности и прочую психологию. Но вот стоит перед тобой пожилой, уважаемый тобой человек, искушенный в сыске (читай: людских подлостях, лицемерии, вероломстве), и человек этот свято уверен в том, что основной подозреваемый «ну никак не мог».

Почему? А вот потому. С отцом вместе служили, самого знал с пеленок. Дурак честный, мозгов не хватило бы.

Мало это или много?

И слово это – «успокоимся». Знает же, старый лис, отлично знает, что нет более верного способа завести Леву, кроме как призвать к спокойствию.

Что тут скажешь?

Вот и Гуров решил промолчать, вздохнув, взял материалы, шелкнул каблуками и вышел.

Папку он, подписав: «Сид. Разное», отложил в сторону, из вредности решив, что на работе смотреть ее не будет.

Текущие дела привычно поглощали минуту за минутой, часы за часами, голову даже не затрагивая. Мысли же постоянно возвращались к этой проклятой кучке бумаг, и это раздражало.

«Допустим, смерть от естественных причин, и при чем тут я? Если не от естественных, то... я-то тут при чем?! Если речь идет о расхищении социалистической... пардон, конечно же, капиталистической собственности, разбазаривании субсидий – то тем более при чем тут я?

Притом что ты как был бесхребетным, полупрозрачным идеалистом, таким и остался, таковым и помрешь. И генерал твое это прекраснодушие знает: я тебе втолковываю, говорю, ты щеки надуваешь, надуваешь, возмущаешься – и совершенно справедливо, конечно, – а я все равно продолжаю. И будь спокоен, поступишь ты так, как угодно мне...»

Да не ленился он, не было ему все равно! Если бы было все равно, если бы мог он спокойно перешагнуть через очередное мертвое тело и не задаться вопросом: «Почему?..», да давно бы ушел на пенсию по выслуге, поучал бы двоечников в академии и трындел бы про старые добрые времена.

Да все бы ничего, только ведь вся эта бухгалтерия итальянская!

Гуров вспомнил свои давешние страдания, невидимые миру слезы бессилия, когда пытается умный, талантливый

человек понять чужой поток сознания, и чуть зубами не закрипел. Нормальный человек скорее дыру бы в голове проделал, чем этим всем заниматься.

«У меня ум за разум зашел, а пришел этот, из экономистов наших... как его? Сопляк высоколобый. И только очками сверкает, благодушный, как кулич на Пасху: «Лев Иванович, я вам сейчас все подробно разьясню, даже не переживайте...» Клоунство. Давайте каждый будет заниматься своим делом. Им же за это деньги платят – вот и пусть занимаются, поднимают документацию, берут в оборот бухгалтеров, терзают аудиторов, что там еще у них?»

Правильные были мысли, весомые, солидные. За ними, как за добротными кирпичами, можно было скрыться от того, что тебя не касается. Гурову почти это удалось, он уже практически решил, что, изучив папочку, честно доложит о том, что докладывать не о чем. «Почти» – потому что далее ждало новое испытание.

Глава 5

Прежде всего удивило, что дома пусто. Хотя Гуров точно помнил, что сегодня Мария должна была быть свободна весь день, но была она, совершенно очевидно, занята. Иначе с чего бы отсутствовать и телефон отключать?

Вообще у него были планы как на жену, так и на нынешний вечер, но, видимо, не судьба.

Распахнув дверь холодильника, полковник как раз решал задачу на оптимум – с чего бы начать вечер тревоугодия, – но тут повернулся ключ в замке. Гуров машинально глянул на запястье: одиннадцатый час.

На пороге Мария стряхивала снег с шубки, вся серебрящаяся, одновременно усталая и сияющая.

– Незапланированный генеральный прогон? – спросил Лев Иванович, помогая разоблачиться и разуться.

– Темный ты человек, Гуров. Пора бы уже запомнить: какие прогоны вечером? Ох, и все-таки устала...

Освежившись и переодевшись в домашнее, она расположилась в кресле.

– Я, Лева, в театре «Тень» была.

– Не завалило голыми боярынями в шотландских юбках?

Мария бросила на него взгляд, выражение которого ни с чем не спутаешь: «Ну что ж поделать. Дурачок безнадежный, но свой и любимый».

– Представьте себе, господин полковник, не завалило. Постановка самобытна, не похожа ни на что. И прекрасна.

– Неужели?

– Именно. Более того, скажу: теперь никогда не прощу себе, что так и не увидела ее с участием Сида.

– Кофейку? – после паузы предложил Лев Иванович, намертво придавив желание добавить: «...и тотчас отпустит».

– Коньячку, – поправила Мария, – мне надо взбодриться. Настроение ни к черту...

...Приглушен верхний свет, плачет в блюдце тонко порезанный лимон, на улице кружится пушистый снег и уютно поблескивают московские окна, а любимая супруга огорчена до последней степени, занимается самоедством и самобичеванием.

– Ты мне не нравишься сегодня.

– Я сама себе противна.

– Шутишь?

– Ты первый начал. А если серьезно, Левушка, то даже не знаю, как мне, зубру и столпу, объяснить тебе – такому же инвалиду – тот восторг, который испытала. Боюсь, не поймешь.

– Как инвалид инвалиду... – начал было Гуров, но по выражению ее лица понял, что не стоит. И просто пообещал: – Я постараюсь.

Мария, сделав глоток, задумчиво пожевала лимон – у мужа аж скулы свело – и подняла глаза к потолку:

– Мы с тобой понимаем, что все решают профессионалы. Учиться надо, оттачивать, наживать зерно, другое, третье... Мы зациклены на этом. А у них – параллельная вселенная и все вверх дном. В театре царит кавардак – но одновременно и праздник. Пылью и кулисами не пахнет, гуляет свежий ветер...

«Разумеется, ни декораций, ни дорогих костюмов, небось сплошные леса и пустота. Нарисовали на куске полотна «замок», «тронный зал», воткнули палку и уговорились – это, мол, Тауэр, – он вспомнил рассказ Орлова о предполагаемых театральные махинациях, Минкульте, – на бумажках нарисовать-то что угодно можно, хоть мхатовские задники...»

– Актеры облачены в клетчатые обноски, грим такой неумелый, грубый, зато у всех вместо глаз – по паре горящих прожекторов. Дышат и живут лишь одним: как сегодня сыграть в сто раз лучше, чем вчера. Начинает играть музыка – и ты забываешь об отсутствии кулис и дорогущих декораций. И так во всем, щенячий, заразительный энтузиазм...

Откашлявшись, Лев Иванович признался:

– Тебе виднее, мне-то в самом деле не понять. Моя-то работа тоже того... без кулис и декораций. Натуралистична, некрасива, иной раз тошнотворна. И ее вряд ли можно делать с каждым днем лучше.

– Да, да, конечно, – отрешенно согласилась она, – ну я же сказала, что нам с тобой трудно это понять. Как принять, что нет ничего застывшего, установившегося, ничего не делается

так, «как надо». Все в движении, фонтанируют, рассыпаются искрами, что твои бенгальские огни.

Гуров одобрил, подливая:

– Образно. Если все на подъеме – это всегда хорошо. Ну то есть и упаднических настроений нет, и творческая жизнь продолжается?

Мария, погрузнев, сделала глоток.

– Знаешь, мне показалось, что они отказываются принимать масштаб катастрофы. Или как это... отрицание? В общем, превалирует страстное желание продолжить работу во что бы то ни стало. Пусть в виде тибьюта...

Она вновь замолчала.

– ...но без Сида постановки не будет? – подбодрил он, мысленно потирая руки.

Жена пожала плечами.

– Ты же что-то смотрела сегодня, и тебе понравилось. Или совершенно некому теперь петь?

– Левушка, дело не только в этом. Дело в деньгах.

– Даже панки без денег не поют? – не сдержался Лев Иванович.

Мария не теряла терпения, и это было странно.

– Как бы тебе объяснить в доступной форме... Сид всю жизнь работал, не заморачиваясь на финансах. И, к слову, его постановки и не потребуют массы денег. Театр малобюджетный, актеры чуть не с улицы и все универсалы-многостаночники. Например, брат Сида трудится директором как

умеет.

– Это с которым ты переговоры вела.

– Да. Вот он должен был петь Гамлета.

– Поющий директор, занятно. А что, умеет?

– Что?

– Петь.

– Я не слышала. Наверное, не хуже меня. Приятный мужик, очень похож на брата, только моложе и декоративнее. Да, так вот он поведал, что сценаристы запросили несуразно, тогда брат засел на даче и за неделю переработал автора, который уже ничего для себя не запросит. Шекспира то есть.

– Ловко.

– В итоге выворачивают старинные сюжеты так, что сам бы автор заплодировал. Он же тот еще хулиган был. Ну вот, например, что Гамлет на самом деле сын Клавдия...

– Прошу тебя!

Мария воодушевленно продолжала, точно ничего не услышав:

– Или вот режиссура. Они попробовали поработать с одним дарованием, со вторым, маститым, – те лишь за свое присутствие потребовали несуразно. Сид решил сам попытать счастья в режиссуре – и нате, получилось. Ну а что? Талант – не собака, или есть, или нет. И экономия.

– Сам Сид бесплатно трудился?

– Нет, но копейку получал наряду со всеми, со сборов. Так ведь он же и играл сам.

– И кто же теперь за него?

Мария развела руками.

– Непросто найти столь много ударников-многостаночников. Да и шефа-бессребреника. Идиллия...

Мария глянула на него с подозрением, но ни тени усмешки не увидела и потому подтвердила:

– Именно так. А что же, – в ее голосе прозвучало коварство, – трудно представить, что кто-то занимается любимым делом, не надеясь на воздаяние в этой жизни?

Вообще было обидно, хотя виду он, разумеется, не подал. Лишь мягко заметил:

– Что ты. Таких людей, я тебя уверяю, очень много.

– Да уж, ищи дураков, – повторила она с непонятной горечью.

– Ну и все-таки насчет денег, – напомнил Гуров, проглотив и эту пилюлю, – если все так прекрасно, денег не требует и на чистом энтузиазме...

– Да.

– Тогда возникает вопрос: зачем ему бюджетное финансирование?

Мария призналась:

– Честно говоря, я не знаю, что думать об этом.

Она отхлебнула бодрящего напитка и добавила:

– Но мой личный и горький опыт показывает: стоит пойти слуху, что Сид был замешан в финансовых махинациях с бюджетными средствами, и частные инвесторы дружно от-

вернутся и пойдут в отказ.

– А ты считаешь, что этого быть не могло, потому что...

– Да, не такой он человек был, чтобы выстраивать подобные хитроумности.

– И что характерно, в этом уверена не только ты, – заметил Гуров.

– Ах, не все ли равно? – отмахнулась она с досадой. – Кто-то деньжата подтибрил и освоил, а тут как раз имеется покойник, на которого можно свалить, и концы в воду... С мертвого-то какой спрос? Не будет денег – не будет постановки, и шансы мои стремятся к нулю. Буду и дальше жевать академическую жвачку, до самой пенсии, а там лоботрясов учить, которые не идут в искусство, им главное бабла по-легкому срубить...

Гуров немного опешил. Эва куда заводят визиты на постановки экспериментальных театров. Ну а с другой стороны, если бы женщины имели хотя бы тень логики – как бы им удавалось сводить с ума здравомыслящих мужчин?

– И вообще...

Скрывая небрежную, но такую тщательно продуманную зевоту, Мария прикрыла рот рукой, поставила почти полный бокал в мойку.

– Пойдем баиньки, а то что-то я сегодня расклеилась.

– Отдай стаканчик-то. И постой.

Покончив с напитком и крепко удерживая жену за талию, Гуров снизу вверх, но очень внимательно взгляделся в ее ли-

цо:

– Признавайся. Тебе это все так важно? Ты серьезно хочешь играть в этой вакханалии?

– Это не вакханалия.

– Тогда второй вопрос, – спокойно продолжил он. – Кто-либо из тамошних театральных знает, что у тебя муж – сыщик?

Мария ехидно спросила:

– С чего ты взял, что это кого-то интересует?

Лев Иванович некоторое время все-таки посверлил ее взглядом, но ни одной черной капли не узрел: ах, что за глаза! Два чистых, прозрачных, как слеза, алмаза...

Гуров, вздохнув, решился. Точнее, понял, что судьба влечет как на аркане.

– Ладно. Тогда давай чуть попозже спать пойдем, а сейчас ты мне расскажешь все, от начала до конца.

– Хорошо, – покладисто, с готовностью отозвалась Мария.

И, как будто ждала такого оборота, занялась приготовлением кофе.

«И снова переключали тебя, сыщик. И снова – как ребенка», – подумал Гуров весело.

– ...Собственно, группа «Боль да смех» распалась не вчера, года три назад, но объявлено лишь в этом году, после того как отпраздновали двадцать пять лет на сцене.

– ...Подсобрали денегат...

– Стабильность и неизменный состав – их фишки.

– Неплохо. Ну а по каким причинам? Мотивы? Деньги, ссоры, жены?

Мария пожалала плечами, покачала головой:

– Наверное, всего и помногу накопилось за четверть века. Конкретных причин и людей по именам не то что я, скорее всего, никто не знает.

– Неужели?

– Ну вот так. Это коллектив закрытый, на сцене – рубахи навыпуск, но что там за кулисами – тайна великая за семью печатями.

– Дешевой популярности не ищут и скандалы как пиар – не про них.

– То есть абсолютно. У них и пиарщика-то отродясь не водилось.

– У кого – у них?

– У них два солиста, – пояснила Мария, – Сид – бесспорный лидер-харизматик, но он музыкант, а стихи для основных хитов писал второй.

– Кто таков?

– Жога Ким.

– Что из этого имя, что фамилия? – не сдержавшись, пошутил Лев Иванович, но моментально поправился: – Прошу прощения. Продолжай.

– Молодец, хороший мальчик, – похвалила жена, – я уж хотела закатить тебе по заслугам. Жога – поэт. Точнее, сам он думает, что поэт, конечно, литературные достоинства его

стихов, как бы это... сомнительны. В любом случае, положенные на музыку, звучат вполне достойно.

– А музыка?

– Музыка вся Сидова, хотя надо уточнить... – она задумалась, – только где? Нет у них обычаев авторские права регистрировать...

– Хорошо, оставим пока, давай дальше. Сид и Жога.

– Да, Жога и Сид. Вот они играли-играли вместе, потом Сиду стукнуло в лохматую голову, что все это халоймыс и чушь собачья, что надо расти, а Жоге и в текущий момент надоело... Ну в целом все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.